Веч. клуб. – 1996. – 31 окт. – с. 7

Евгений ПЕТРОСЯН:

Не люблю, когда овечки выставляются орлами

С Евгением Петросяном мы встретились в офисе Театра миниатюр, возглавляемого мэтром комического жанра. При этом подсознательная настроенность репортера на "веселый" антураж учреждения вступила в нешуточное противоречие с академической основательностью кабинета. И сам его хозяин в "рабочей обстановке" больше походил на старомосковского профессора, нежели на человека, привыкшего ставить зал на уши. Да и дома, по собственному признанию Евгения Вагановича, его нередко именуют "научным работником".

— Вы давно и прочно на эстраде. Перемена, пользуясь терминологией единственно верного мировоззрения, "общественно-экономических формаций" не застала вас врасплох?

— Как и все наши люди, я, естественно, какое-то время приспосабливался. Даже на фоне мировой истории пертурбации в стране были достаточно резким поворотом: кто-то смог, кто-то нет... Но мы как-то приспособились. Хотя приход бухгалтера в мой кабинет по-прежнему вызывает у меня ощущение революционного катаклизма.

— Да и сам факт вашего сотрудничества с бухгалтером достаточно революционен...

— У народа нет денег. На концерты ходят слабо. Количество концертов уменьшается, а расходы растут. Этот дисбаланс, кривые, направленные в разные стороны, вызывают у меня как у главы пусть небольшого, но театра, конечно, беспокойство. Ведь я плачу людям зарплату. Но я не хотел бы плакаться, не хотел бы просить подаяния. Считаю, что надо надеяться на свои силы.

— Последняя реплика, на мой взгляд, очевидное свидетельство того, что в новую ситуацию вы вросли вполне органично.

— Мне просто пришлось стать директором моего театра. Потому что хорошего директора у меня нет, а плохой мне не нужен. А хороший ко мне не пойдет, он откроет свое дело. Поэтому у меня есть теперь плохой директор — это я. Но лучше плохой директор, которому ты доверяешь, чем плохой, которому не доверяешь.

— У вас есть спонсоры?

— Даже вот эту скрепку у меня на столе я купил сам. Ни государство не купило, ни спонсор не купил. Мы категорически не занимаемся бизнесом. Категорически! Ничего не совмещаем. Более того, сами спонсируем Центр эстрадной юмористики при нашем театре.

— Что это за центр?

— Копилка о комическом на эстраде вообще и на нашей эстраде в частности. В перестроечное время театр жил лучше, был даже некоторый жировой запас. Тогда и скупали информацию — у коллекционеров, библиотекарей, букинистов: издания прошлого века, русские водевили... Короче, все о комическом. Кто-то должен был собрать все это в одном месте. Я уверен, что, когда наконец экономика стабилизируется, в России вспомнят о культуре с чрезвычайной силой. И тут моя копилка — чем не основа будущего музея юмора?

— Ваши книги подпитывались из этой "копилки"?

— Разумеется. Вот последняя — "Об остроумии в мировой литературе". Из "копилки" же произросла книга "Петросян в стране анекдотов". Телевизионная "Смехопанорама" органично вышла из нашего собирательства.

— А как исполнитель вы чувствовали себя комфортнее "до" или "после" реформ?

— Все советское время я жил, как под дамокловым мечом. Съежившись. Не боялся и не боюсь называть с эстрады кого надо пофамильно. Но тогда я очень боялся. Чего? Творческой смерти. Любой чиновник горкома (райком, может быть, не потянул бы на это) мог меня дисквалифицировать.

— Можно вспомнить прецеденты?

— Не люблю изображать из себя героя, мне режет слух, когда овечки выставляются орлами. Но сказать, что я был беззубым, будет неправдой. Был эзопов язык, другие приемы. Вот, скажем, когда Брежнев выпустил свои брошюры, я подгадал момент — всем все уже стало ясно — и заговорил с эстрады о макулатуре. Мол, много стало макулатуры. Может, нам новую не выпускать, мы еще на старой лет двадцать продержимся. Зал заходился в овациях, все понимали, я понимал, кому надо, понимали — а вроде и не придерешься. Таким шла игра. Что и подвигло горком отложить присвоение мне звания на пять лет. Невелика потеря по сравнению с тем, что я делал то, что хотел.

— Мы затронули "общественный" и творческий аспекты вашей "той" и "этой" жизни. А можно, так сказать, в бытовом, обыденном плане?

— Не могу сказать, что я в восторге от нынешней жизни. Мне больно за людей не приспособившихся — по тем или иным причинам. Нельзя быть счастливым в отдельно взятой квартире. Но в обратную сторону я не хочу, я хочу совершенствовать эту жизнь. "Там" ничего хорошего не было, кроме колбасы за два двадцать.

— И в отдельно взятой квартире?

— Я живу в малюсенькой квартире, у меня самый долгостроящийся ЖСК. Я не могу сказать, что у меня здоровье хорошее. Я не могу похвастать, что у меня семья большая. Под каждой крышей свои мыши, верно?

— Скажите, а были в "той" жизни у вас работы, за которые вам теперь совестно?

— Совестно — нет. Могу сказать: вот этот номер у меня не получился. А конъюнктуры не было, нет. Есть книга любопытная, по крайней мере мне она любопытна — антология моего репертуара. Там фактически девяносто процентов того, что я читал с эстрады во все времена. Так вот, перебирая все это, я понимаю, что мне не стыдно.

— Аудитория для вас понятие цельное или есть публика, которую вы, скажем так, уважаете и — нет. Столичная и уездная? Просвещенная и пролетарская?

— Что такое зрительный зал? Это много людей, которые сидят вместе. Их биополя объединены в одно поле. Собравшийся сегодня зрительный зал — для меня единый организм. Единая реакция, интеллект даже — ведь люди заражают друг друга. И смехом тоже. Средний "показатель" на так называемых "кассовых" концертах примерно одинаков. Вот недавно я выступал в деревне. И понял, что... "уровень" там как бы вообще над средней планкой. Сейчас общий уровень, не культурный даже — информативный, сравнялся. Безусловно, в конференц-зале Академии наук — другая публика. И я делаю на нее поправку. Это совсем не значит, что я буду подделываться под академиков. Но ключик постараюсь подобрать. Если не найду, я плохой артист.

— А бывает, чтобы совсем не смеялись?

— Вот случай, очень давний. У меня уже была сольная программа. И я выступал в одном институте, скажем так, Каких-то Стран. Выступаю, а они не смеются. Думаю, значит, я для них примитивен. Но аплодируют хорошо! В чем дело? Я мучаюсь. И вдруг где-то через полчаса засмеялся негритенок — во весь голос. И все на него обернулись и покачали головой. Как ты, мальчик, себя неприлично ведешь! Я начинаю сворачиваться. Но когда попытался закончить, возгласы: вы еще не все прочитали! Оказывается, это были люди милые, интересующиеся моим жанром, но, скажу так, не выражающие чувства юмора. Такое случается — в специфически дисциплинированной аудитории.

— При том, что, по моим наблюдениям, ваше творчество никак нельзя квалифицировать как заэстетизированное.

— Прошлой зимой я пришел на Ваганьковское кладбище почтить память своего учителя Леонида Семеновича Маслюкова. Собирались у кладбищенской церкви, переминались с ноги на ногу — был морозный день. И увидели Евгения Светланова с женой, идущих стремительно мимо нас. Они пришли на другую могилу. Вдруг Светлановы остановились, увидев меня (а мы не были знакомы), и... начали говорить очень добрые вещи о моей работе. Неудобно это все повторять... Скажу только, эти люди прямо-таки дышали теплом. Наш разговор оборвал вонючий, грязный, драный бомж. Он увидел меня, узнал и без излишних церемоний включился в беседу. Самое удивительное, что он начал говорить те же слова, что и Светлановы. В меру своего воспитания, но столь же душевно. И тогда я подумал: чтобы быть доступным всем людям, юмор должен быть понятен. Оприходован всеми. То есть неожиданно сформулировал то, к чему и так всю жизнь стремился.

— К вопросу о "доступности". У вас не возникает подчас ощущения, что вы выше, значительнее своего репертуара?

— Если это и так, это не имеет значения. Если у вас есть критическое отношение к какой-либо конкретной работе, то я буду вам чрезвычайно признателен. Но без ярлыков: у Петросяна плохой репертуар. Между прочим, Петросян читал того же Задорнова, Хайта, Ардова... Виктор Драгунский писал для меня! Однако, к великому сожалению, за последние десять лет я не видел ни одной рецензии на себя. Одни сплошные интервью: как жить дальше? как наладить экономику? за кого голосовать? Спрашивают все, что угодно, кроме того, что я знаю.

— Вот и ваш нынешний интервьюер не без греха. Такой "промежуточный" вопрос: в своем коллективе вы больше хозяин или, скажем так, соратник?

— Я не пытаюсь менторствовать и заставлять кого-то работать. Мне больше нравится, когда человек сам понимает, почему то-то и то-то надо сделать. К сожалению — не знаю, может быть, мы все такие, — но и в театре, и в "Смехопанораме" меня окружают очень хорошие люди, но... каждому я должен сказать, чтобы он что-то сделал, три-четыре раза. Приходится быть надсмотрщиком и инспектором. Увы, других сотрудников я не встречал.

— Не возникало никогда желания, изысканно выражаясь, поставить крест... послать все куда подальше?

— Что вы! Я помру, если не буду заниматься своим делом. Сколько себя помню, я любил только это. В профессиональном отношении никем другим себя не мыслю. Я никогда не отдыхаю, я не умею отдыхать.

— А вне профессии какие у вас интересы?

— Никаких.

— Никакой там рыбалки?

— У меня всю жизнь не было времени заняться и полюбить что-либо, кроме своего дела. Выход на сцену — это только видимая часть айсберга. Подготовительная работа отнимает все время.

— Вот вы вечером возвращаетесь домой и...

— Обязательно посмотрю "Новости". Потом подведу итоги дня: что сделал, что нет. Потом как обычный человек, к сожалению, буду ужинать и соответственно толстеть. Потом, когда в моем доме наступит тишина, буду либо читать, либо писать.

— Но как же все-таки без рыбалки-то, Евгений Ваганович?

— Да вот так.

Встречался
Виктор ГАЛАНТЕР.
Фото
Игоря ИВАНДИКОВА.

Петросян Евгений
31.10.96